

Джейд Дэвлин

16+

КОРОЛЕВСКИЙ
ТЮЛЬПАН

Джейд Дэвлин

Королевский тюльпан

«Автор»

2021

Джейд Дэвлин

Королевский тюльпан / Джейд Дэвлин — «Автор», 2021

Казалось бы, что может сделать со своей судьбой попаданка, всю жизнь посвятившая работе с цветами? А это смотря в какой мир попасть! Когда судьба королевской династии и остальной страны зависит от того, расцветет ли магия или завянет на корню, даже скромный флорист окажется ко двору;)

© Джейд Дэвлин, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джейд Дэвлин

Королевский тюльпан

Глава 1

– Линочка, никто, кроме тебя! – проблеял Вячеслав Семенович.

Я внимательно взглянула на него. Нет, ничего нового в туманных глазах своего начальника не увидела. И не сказала – решение принято, подвиг сегодня вечером для любимого начальника я совершу. Только пусть мой дорогой Бараш подарит мне еще два слезливо-умоляющих взгляда, а лучше – одну премию.

«Никто, кроме тебя» – это, между прочим, третий раз за день. В должностные обязанности исполнительного директора флористической компании «Миллион роз» подвиги не входят, но совершаются с регулярностью Геракла.

Утром я посетила точку № 2, не самую проблемную, но занозистую, как куст дикого шиповника. Поставить на место продавщицу Машеньку, любительницу философски хамить покупателям и тем самым понижать рейтинг нашей конторы, мог бы и сам Бараш. Вот заставить Машенькиного хахаля-охранника как следует вымыть помещение, раз не проследил за приходящей уборщицей, а в качестве призовой игры починить унитаз – такой подвиг Барашу точно не по плечу. Никому, кроме меня.

Потом разговор с давним поставщиком. Пять минут выслушивать печальный монолог, наполненный философией «крокодил не ловится, не растет кокос». Пять минут слушать перечень природно-логистических катаклизмов, из-за которых цветы мерзнут в самолетах, а листья и лепестки осыпаются еще в Испании. Пять минут слушать, что процент брака мог быть еще больше, что для других контрагентов он приемлем, что профессионалы могут продать и голые стебли, не то что слегка осыпавшиеся цветы. И вообще, что за бизнес без взаимопонимания?

Кто, кроме меня, мог натурально разрыдаться в ответ? И сказать, вытирая слезы, что наша фирма, от продавщицы-стажерки до бессменного директора, будет рыдать еще громче в тот день, когда мы разорвем многолетний контракт. После чего слезопадения высохли с обеих сторон, и я услышала, что следующая партия товара прибывает в идеально кондиционном состоянии.

Ну и, кроме побед надо львами, гидрами, подземными псами – какие еще были подвиги у маньяка Геракла, приговоренного к общественным работам за семейный абьюз со смертельным исходом? – на фоне побежденных монстров за день накопились небольшие свершения по мелочам. Договориться с чиновником из районной управы, чтобы дополнительная дверь, врезанная в стеклянный павильон у метро – точка № 6, – и бетонный порожек перед ней не считались новой постройкой. Проинструктировать Ксюшу, девочку из города Котлас, устроившуюся к нам на работу. Это было совсем легко – девочка оказалась умной, и я за пятнадцать минут объяснила ей то, что старший продавец не смогла объяснить за два дня. Ну и бухгалтерия, вечная Авгиева конюшня. Ничего страшного, это я прежде в ней тонула, боясь поспешной подписью или разорить фирму, или обеспечить себе тюремный срок. Нынче разбираю, не думая и не глядя.

Пока что пора собираться домой. Можно не торопиться – Вилки на этом свете уже нет, гулять не надо. Впрочем, последние месяцы ее жизни состояли не из прогулок по соседнему скверу, а из визитов в ветеринарную клинику. Мы обе понимали, что конец близок... но все равно боролись до последнего, так что удивлялся даже седой доктор. Лучше не вспоминать.

После Вилки в квартире никто не поселился. Не хочу привязываться! Ни к ко-му! Был в моей жизни еще один прирученец. Тоже вилял хвостиком, правда, иногда агрессивно тявкал,

заявлял на меня особые кобелиные права, не признавал моих, девичьих. В итоге пошел лесом. Очень надеюсь, что без меня он счастлив, а уж я без него счастлива точно. Впрочем, был бы счастлив – не слал бы эсэмэски, не лез бы в вацапе и телеге: «Я все простил, я хочу вернуться». Даже блокировать не стала, интересно, сколько еще лет будет продолжаться это безобразие.

Так что дома меня ждет только вчерашняя овощная запеканка и французский сериал на языке Дюма и Эдит Пиаф – зря я этот язык учила, что ли? Года три назад подружка-одноклассница привезла из Марселя мужа-француза, показать наши музеи, ну и вообще загадочную снежную страну, из которой когда-то явилась невеста. Наташка пригласила меня потаскаться по городу, я потаскалась. Этот Тома признал, когда расставались, что мой разговорный французский лучше ее, хотя я пятнадцать лет в Марселе не жила.

Но перед этим придется совершить последний подвиг дня – поездку на круглосуточную точку № 5. Между прочим, самую надежную и доходную в нашей цветочной империи. До вчерашнего дня. Иначе фиг я бы там понадобилась, спасительница хренова. Туда, где не горит, пожарных не вызывают, Гераклов не приглашают.

Пятая точка... Вообще-то, надо было догадаться – однажды именно там случится какое-нибудь ЧП. Уж слишком все было ладно и бесппроблемно. Отличная локация: старинное здание в центре города, построенное при каком-то царе. Цокольный этаж, а значит, легко оборудовать подвальную цветочную камеру. Крыльцо с выходом на ресторанный улицу. Невесты в очереди с юбилеями. Иногда эта жо... эта пятая точка дает треть нашей суточной выручки.

Вот здесь и случился экстраординарный свистец-сюрприз.

Глава 2

Вчера явился ночной клиент. Ладно, Галочка спала, колокольчика не слышала – так и на камеру у входа клиент не попал. Пересматривали запись всем нашим скромным офисом, не увидели и тени.

Итак, Галочка обнаружила юношу в холодном цветочном отсеке, придирчиво лапающим тюльпаны. Вежливая Галочка проворковала:

– Потрогали? Забирайте!

Клиент, парень в кожаной куртке, на нее странно посмотрел и стал щелкать-цыкать. Галочка поняла, что берет он тюльпаны оптом. По розничной цене. Все.

Правда, заплатить хотел монетками из какой-то детской игры, она даже одну сфоткала: в круге корона с мечом, и зубцы у короны сломаны. Парень спорить не стал, вернулся через полчаса с нормальными деньгами – шуршащими купюрами. Тюльпаны, как и обещал, взял оптом. Причем процентов десять – голимой выбраковки. Не купил бы – пришлось бы списать, а так – человек-подарок.

Наша Галочка обрадовалась неожиданной прибыли и так кайфанула, что не поняла, парень ушел на улицу или опять через хранилище. Еще запомнила – на левой щеке тату дятла. И без татухи видно – дятел.

А сегодня утром новая партия тюльпанов просто исчезла. Вместе с розами, гвоздиками и хризантемами. Зато на стене хранилища – граффити. Нарисованы пять тюльпанчиков с каким-то знаком вроде нуля. Под ними десять тюльпанов, а рядом – тот самый кругляш с ломаной короной.

Галочка – альтернативный гений. Нам ничего не сообщила и стала ждать, когда же явится вчерашний кавалер-дятел и заплатит за цветы, исчезнувшие оптом. Вместо кавалера на стене возник еще один рисунок: часы и цифра «два». Видимо, через два часа явится.

– Линочка, никто, кроме тебя.

Понимаю, что уж не ты, Вячеслав Семеныч. Вообще-то, тут не ты нужен, и не я, а охранный фирма «Кактус». Вот только наши боевые ежики в эту минуту заняты физическим сопровождением демонтажа оборудования на точке № 6, чтобы новый арендатор не подумал, будто помещение досталось ему со стеллажами и сплит-системой. Необходимая документация, доказывающая, что железяки и деревяшки – наша собственность, под рукой. Однако все равно лучше, когда у девушки с документом в руках эскорт из трех крепких ребят.

Может, лучше было бы меня отправить на точку № 6, я бы обошлась и без охраны. По крайней мере, стандартная ситуация, в отличие от кражи с элементами мистики.

Ладно... Никто, кроме... Вперед!

На пятой точке я была лишь раз, не дальше торгового зала. Сегодня появился шанс осмотреть подробнее. Арендодатель по неведомой причине не стал дробить площадь, так что подвальный цветочный магазинчик был размером с приличный супермаркет. Одно холодильное помещение занимало половину пространства – хоть заблудись в срезанных цветах.

Сегодня вечером, правда, можно было заблудиться лишь в стеллажах и пустых вазах. Цветы покинули помещение.

– Он уже там, – шепнула Галочка. – Дятел. И опять на камеру не попал.

Действительно, за стеклом, в глубине холодного туманца, маячила фигура.

Что делает в этой ситуации вменяемый человек? Звонит в полицию: «У нас в помещении вор! Приезжайте, пока не убежал!» Что делает усталая, измотанная за день дура, представившая унылое ожидание полиции и веселое объяснение с ней, если визитер исчезнет?

Все правильно, именно так я и поступила. Сделала знак Галочке идти следом и шагнула в холодильник. Шаги за спиной были нерешительны, потом замерли. Похоже, еще до входа в хранилище.

Ну да, это же я тут единственный герой. Или героиня. Или героика. А Галочка – не альтернативный гений, она вменяемый человек. Ладно, вперед!

Насколько хранилище точки № 5 огромное, я поняла, едва взялась за дверную ручку. Незванный гость находился не в близком и хорошо освещенном секторе роз, как показалось издали. А в глубине, возле дальней стены.

Причем с каждым шагом туман становился плотнее и плотнее. На секунду я малодушно оглянулась, чтобы укоризненно махнуть Галочке. И поняла, что выход из хранилища скрылся в том же таинственном тумане.

Могла бы и предупредить про туман. Ладно.

Еще несколько шагов, и я рядом. Мышка-летушка, ну почему мое оружие – только апломб и пара полузабытых приемов, запомненных в детской секции ушу? Сейчас мне бы, например, мощный слепящий прожектор, позволяющий видеть в туманной мгле. Высветить фигуру, что трется возле темной и влажной, возможно еще царской, стены, в самой неосвещенной части хранилища.

Так. Мы спокойны и решительны, потому что всех уже победили.

– Добрый вечер. Шестьдесят пять тысяч двести восемьдесят рублей. Наличный и безналичный расчет. После этого – новые тюльпаны.

Говорила я уверенно. Почти. Что же сбilo меня? Парень как парень, невысокий, мордочка хищная, без тупости. Весь в коже, даже на руках кожаные краги.

Сбило меня тату на левой щеке. Не дятел, как решила дятлиха Галочка, а поползень. Сто тысяч бесполезных знаний, наполнивших мою голову с детского сада, причем навсегда. Поползень – птичка, которая летает, а заодно ползает по стволу вверх-вниз, влево-вправо. Даже вниз головой. Что как бы меняет девиз: не «додолблюсь своего», а «пролезу куда захочу».

На одну секунду сбил с толку, шельмец. И этого оказалось достаточно.

– Сегодня будут тюльпаны? – чирикнул парень. Именно что разборчиво чирикнул. И мне послышалось в этом чириканье что-то знакомое. Как будто говорил тот самый Тома из Марсея.

– Без оплаты прежней партии – нет, – ответила я, чувствуя, как моя уверенность окончательно уходит в прохладно-гнилостную атмосферу забракованных лилий и роз.

Парень то ли улыбнулся, то ли сгримасничал. Поползень посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты умеешь ухаживать за цветами? – спросил он.

Мой ответ должен был быть кратким и грубым. Даже адресным. Если бы не этот пристально-смешливый птичий взгляд. И непонятный туман или пар. Этот туман исходил не от цветов, не от испорченного кондишена.

Поэтому, похоже, я даже кивнула. Вот и вышел мне боком факультет растениеводства Лесотехнической академии. Говорила мне мама – иди на филологический! Но туда был большой конкурс, а на цветоводство – маленький. Вот теперь мне моя лень и аукнулась.

Правой рукой гость коснулся стены. Она не разошлась. И не рухнула, а лишь исчезла. И вот там-то, в глубине, и клубился тот самый туман.

Я впала в ступор. На одну секунду. Но и этого оказалось достаточно.

Поползень взял меня за куртку и толкнул к пустоте. В тумане нарисовался напарник, ухватил за правую руку, потянул на себя.

Нырнуть, вывернуться, вверх локтем, в сторону коленом.

Я не боевой автомат. Я вспомнила эти приемы самооборонных курсов, когда стена беззвучно сомкнулась за нами. И поняла, что за стеной они не актуальны.

Глава 3

Лирэн

Горожане называют нас Ночными Законниками. Сочинители баллад – Призраками Подземелий и Клинками Ночи, а стража покойного короля обзывала ночными мытарями.

Все эти клички мне знакомы. Поэтому я выслушивал доклад не в подземелье, а на вершине самой высокой башни Города Свободы и не ночью, а на закате. У меня свои причуды, и все с ними считаются.

Впрочем, принимать доклад вечером – не такая уж и причуда. Ночью в Городе происходит то, что должно произойти. Тот, кому положено дожить до утра, спит мирным сном. А вот днем возможны неожиданности.

Докладчик – незнакомый парнишка с бледным лицом и волосами цвета лежалой соломы. В глазах искреннее удивление. Во-первых, он был уверен, что перед приемным залом отберут шпагу. И даже свинцовник, пусть и в кобуре, заткнут за пояс.

Зря удивляется. Если меня захотят убить, я узнаю об этом задолго до визита и начну разговор с вопроса «за сколько?». Из таких визитеров один, кстати, у меня в телохранителях.

Во-вторых, он удивлен потому, что рядом со мной нет цветов. Только торчит в подсвечнике засохшая роза. Поэтому немой вопрос визитера прочитан с первого взгляда – может, я бесцветник?

Нет, мальчик, бесцветников не существует. Они иногда приходят из других миров. Но не для того, чтобы возглавить Ночных Законников. Для этого полагается здесь родиться. Пришельцы из другого мира живут у нас недолго.

Просто надо уметь дышать так, чтобы обходиться без цветов три-четыре часа. И главный секрет – когда понадобилось вдохнуть, не сидеть в кресле между огромных букетов, как вальяжный обжора сидит возле глубоких супниц и салатниц. Подойти, вдохнуть, лучше всего так, чтобы никто не заметил. И вернуться к своим делам.

Впрочем, если кто-то думает, что я могу дышать без цветов, – пусть думает. Это так же полезно, как если думают, будто ты умеешь читать мысли.

– Брат маршал, я готов к докладу.

– Я слушаю, брат сол, – ответил я с улыбкой.

Город, как и вся страна, уже пять лет живет по законам свободы. Мы все братья, но тот, кто командует над всеми, – маршал. Парнишка мог бы сказать «мар», но понимает, что доклад надо начинать с полной формы обращения. Если еще и умен, то через год будет капитаном Ночной армии – еще одна наша кличка.

Поверь, мальчик, так и будет. Я старше тебя лет на пять, не больше.

– Утром из веселого трактира Уха сбежала девица. Дурочка из предместья, забежала в казарму стражи и объявила, что с ней жестоко обращались. Капрал запер ее и известил нашего Смотрителя квартала.

Я слегка усмехнулся. На самом деле, не стражи, а СЗ, стражей – защитников свободы, но эта шантрапа не заслуживает уважения. При покойном короле-тиране это была стража, ну и пусть так называется.

– Капралу две монеты. Уточнить, что первая за то, что сообщил, а вторая – что Смотрителю, а не Уху. Тот испрыгался у дверей казармы?

– Да, – с усмешкой кивнул парень. – Что делать с девицей?

– Вернуть Уху, – ответил я с незаметным вздохом. – Сказать, что позже я приду и поговорю с ней. Может наказать ее как угодно, хоть отправить на песочек, но она должна остаться живой, целой и здоровой. Нет – я закрою этот веселый трактир.

– Услышал-исполнил, мар, – весело ответил докладчик, представивший рябое лицо Уха, когда передаст приказ-угрозу.

Ухо, конечно, обидится. Но гранд-маршал Ночной армии – я. На выборах мне досталось полсотни сухих лепестков, а он, хоть сулил золото и грозился, получил лишь пять. У нас выбирают честно, так что Ухо может лишь брызгать слюной и мечтать, что со мной когда-нибудь расквитается.

Пусть помечтает.

– Инцидент в квартале Гладиолусов, – продолжил докладчик. – На прошлой неделе сазы сцапали хлебопека – подмастерье донес, что хозяин печет господский хлеб и торгует им едва ли не открыто.

Я опять незаметно усмехнулся. Вряд ли в Городе Свободы есть хоть один булочник, который не печет господский хлеб, хотя обязан печь хлеб Равенства: на половину обычной муки – четверть конского зерна и четверть перемолотой свиной радости. Спасибо, хоть свиная радость без скорлупы.

Когда-то я мечтал и о таком хлебе, всякое было время.

Что же касается статуса булочника, о нем можно не спрашивать. Если бы он был под нашим патронажем, я узнал бы о его злключениях в тот же день.

– Префект требует от него пятьсот монет, – продолжал парень. – Иначе – год на колесе и закрытие заведения.

Никаких эмоций. Впрочем, нет – небольшая улыбка. Не вскипать же гневом – какая жадность!

– Услышав это, булочник поспешил найти нашего капитана-смотрителя?

– Да, – усмехнулся докладчик. – Капитан ответил ему, что негоже печь свадебный торт после свадьбы, но велел ждать решения.

– Разумно, – неторопливо сказал я. Пусть парень верит, будто я думаю над ответом, тем более я и вправду думал.

Префект округа Гладиолусов жаден и зол. Но ни разу не проявит сильной воли. Он будет жаловаться в Совет Добродетели, не больше того. Или отступит даже не перед клинком – перед тенью клинка.

– Что узнал капитан о булочнике? – наконец спросил я.

– Торгует с крепкой, но небольшой прибылью. У него найдется триста или четыреста монет. Пятьсот не наскребет.

Я кивнул. Хорошо, когда капитаны делают то, что надо, без приказов. Что касается небольшой прибыли хлебопека, то и такая по нашим временам – удача.

– Капитан придет к хлебопеку и возьмет двести монет, а торговец поцелует клинок и произнесет Клятву патронажа. Потом капитан направится к префекту и принесет десять справок от болящих о том, что булочник на самом деле пек целебный хлеб Милосердия по их просьбам. Десяти справок хватит, чтобы закрыть дело. И предложит сто монет. Если префект откажется брать справки и деньги, пусть капитан скажет: вас навестит гранд-маршал. Он просил передать, что был бы рад прийти сразу, но занят очень серьезными делами. Смертельно серьезными. И может оторваться от них только ради дела такой же важности. Под конец можно сказать, что булочник под личным патронажем гранд-маршала, но я уверен, обойдется без этого и префект удовлетворится сотней.

Парень кивнул, улыбнулся и тронул мизинцем гарду своего клинка. Я тоже широко улыбнулся в ответ – префект оценит этот жест.

– Это не последняя новость? – спросил я.

– Да. Есть еще одна, и она тоже связана с девицей.

– Ты не сказал после первой новости, чтобы маршал не подумал, будто у тебя на уме одни девицы? – усмехнулся я.

– Ну да... Но вообще.

– Но ведь у тебя на уме есть девицы? Напомни свое имя, – сказал я, поднялся и подошел к парню.

– Терсан, – неуверенно произнес он. – Да, маршал, есть.

– Так это же отлично, Терсан, – воскликнул я, хлопнув его по плечу и не сомневаясь, что панибратствую с будущим капитаном. – Если на уме не будет девиц, на уме будет смерть, и что в этом хорошего?! Налей себе вина, да и мне заодно. Выпьем за девиц.

Небольшое панибратство – полезный инструмент. Мы же не сазы, которые докладывают, вытянувшись в струнку. Мы друзья и братья. Иногда так и говорим, похлопывая по плечу: «Брат, ступай и умри за наше дело».

Терсан подошел к золотому столику на ножке из клыка морского тигра, поднял графин. На миг я ощутил его сомнения. Налить себе больше, чем маршалу? Вдруг обидится. Налить мне больше, чем себе? Может, я подумаю, будто он хочет меня спить?

Юноша протянул бокал. Любой аптекарь подтвердил бы на глаз, что в нем ни на одну каплю больше, чем в другом.

– За девиц, – усмехнулся я. – Так какая же новость?

– Пока это слух, – неуверенно сказал парень. – Люди Уха воспользовались Туманом, проложили Тоннель и притащили из другого мира не только цветы, но и женщину. Что собирается делать с ней Ухо, пока неизвестно.

– Подождем, когда станет известно, – сказал я.

Ночные Законники сильны законом для своих. Пока гостя остается в логове Уха, а не бегает по Городу, жалуясь на дурное обращение, отношения с ней – его личное дело. Зная Ухо, госте не позавидуешь.

А вот проложить Тоннель, не предупредив Совет капитанов, нельзя.

Я пригляделся к парню. Он вряд ли сочувствует незнакомой девице, но на его лице небольшое напряжение. Еще минут десять, и гость начнет тяжело дышать. Мучить его незачем, пусть идет и отдышится возле букета в приемной.

– Отправляйся к Уху и пригласи ко мне на разговор. Явишься завтра и доложишь об исполнении остальных поручений.

Когда дверь закрылась, я подошел к каменной стене. Одна из плиток услужливо отошла, и появился большой букет. Завтра придется заменить, а пока что я сделал один вдох. Но глубокий. На три часа хватит.

Глава 4

Алина

Первое, что я увидела, были наши цветы. Они лежали на тележке, в несколько охапок, прикрытые чем-то, похожим на брезент. Третий злодей приподнимал край накидки и бережно укладывал оптовый букет.

В первую секунду я решила спасти нашу собственность, еще до конца не представляя, как вернусь с ней, через закрывшуюся стену.

Но тут же поняла, что разумнее позаботиться о себе. Для начала – выяснить, что со мной происходит и где я оказалась. За стеной должен был находиться заснеженный проспект Славы. Но не было ни снега, ни проспекта. Серый туман – здесь он был еще гуще, чем в хранилище, почти скрывал бетонные стены обшарпанной промзоны. Или нет, не бетонные. Ближайшая стена сложена из круглых камней, а штукатурка или осыпалась, или её не было. Под ногами вместо асфальта утопленные в грунт булыжники.

Да какая разница, булыжники, асфальт или плитка! Мне надо понять, в какую сторону идти, от этого кошмара.

– Жакель, что за торопун! Там же были еще цветы и вторая цветочница, а ты – закрыл проход!

– Туман уходит. Ты же не хотел оставить за стеной брата?

Как ни странно, этих братцев-цветокрадцев я понимала. Язык напоминал французский или старофранцузский – как-то слышала баллады на нём.

В печку прикладную лингвистику. Надо бы выбраться отсюда, пока все заняты цветами. Похоже, розы и тюльпаны здесь большая ценность, чем я.

Первые несколько шагов я сделала в сторону, бочком. Разглядела что-то, похожее на уличный проем впереди. Значит нам туда дорога...

– Сеструлька, ты куда намылилась?

В словесный контакт я пока что вступать не собиралась и спокойно сделала следующий шаг. Тело чуть напряглось – вспомнило баскетбольную секцию и тренера Бориса Иваныча, давшего девчонкам несколько полезных приемов на тёмных остановках, когда по словам тренера, к тебе лезет какой-то «недомущинка».

– Сеструлька....

Самозванный братик, как я предполагала, схватил меня за правое плечо. В моей голове продолжали звучать слова Бориса Иваныча, тело действовало само, сделав всё, как надо, кроме аккордного удара каблучком в голову – и так сойдет, уже отцепился.

«И никаких подвигов. Вырвалась – бегом отсюда!».

Этому совету я тоже последовала. Пробежала шагов пять, или даже шесть в густом тумане. После чего упёрлась в стену. Улица оказалась тупиком.

– Сеструлька, – донесся сзади обиженный, но не очень возмущенный голос, – вот зачем так сразу?

Пришлось обернуться. Не в стену же смотреть – меня в угол еще не поставили.

Парень, с поползнем на щеке, усиленно тёр левой рукой правую. Главное, что хватать меня не торопился.

– Сеструлька, ты поосторожней так. Я мог бы и обидеться. Слушай, а научи меня так вот вертеться, за руку хватать и сбивать с ног. Мне понравилось.

– Верни меня туда, откуда украл и я тебе пять таких приёмов покажу, – зло сказала я.

Парень удивленно посмотрел на меня, разве, не открыл пасть, и не почесал затылок. Я уже хотела повторить фразу на французском, но тут он кивнул – дошло.

– Вернуть тебя в мир высоких домов и повозок без лошадей? Сеструлька, ну это же невозможно!

Я не успела ужаснуться и переспросить – дверь в мой мир закрыта навсегда или козел берёт, обратно не даёт, как подошел напарник.

– Жакель, управился с попрыгуньей? Пошли, порадуем нашего мара добычей. А тебе, красулька, добрый совет – так себя не веди. Ухо капризов не любит. Ты еще не зарегена. Засохнешь и никто не подкопается. Пошли: мы добычей хвастать, вы – знакомиться.

Меня тут еще и регить будут? Спасибо, не чипировать.

Бегать в тумане я не собиралась, и мы отправились в путь, со скоростью груженной тележки. Меня хотели запрячь, но я сказала, что являюсь добычей, а не тягловой силой. Жакель, у которого рука прошла, впрягся сам, только добродушно проворчив, что перед незнакомым Ухо капризить не надо.

Блин, не надо так! Я и в себя не пришла от этой истории, а тут – какой-то Ухо-горло-нос!

*

За неполных полчаса пути была только одна радость – стало ясно, что это не мир вечного тумана. Уже скоро он рассеялся, и погода оказалась вполне сносной, даже жаркой.

Полюбоваться солнцем и окружающим миром не получалось. Дело не в том, что город, по которому везли цветы и тащили меня, состоял исключительно из улиц особой узости и проходных дворов. Просто мои непрошеные спутники выбрали именно такой специфический маршрут. Когда нам пришлось пересекать достаточно широкую улицу, с приличными прохожими, мы перенеслись через неё, как бешеная кошка через собачью выставку. Я даже получила неслабый толчок в плечо, за неторопливость.

– В следующий раз – отвечу, – резко сказала я Жакелю, когда мы оказались в очередном склизком проулке.

– Сеструлька, – усмехнулся тот, – если бы нас сцапали сазы и ты предстала перед префектом квартала Незабудок, ты бы заплакала, что тебя не довели до Уха. Он отправляет незарегенных девочек на колесо, не открывая глаз

– Хватит меня пугать этим Ухом – надоело, – проворчала я. Злодеи переглянулись, усмехнулись и поспешили дальше.

Заодно подумала, что это за колесо? Если колесо обозрения – ладно. Еще когда-то была такая пакостная казнь – колесование. Но меня, вроде, не за что пока.

Еще я заметила, что они, пару раз, по дороге, подходили к тележке и нюхали цветы.

Следующий проулок закончился тупиком. Жакель пару раз стукнул по стене и в ней образовались широкие ворота. Едва мы в них вошли, стена закрылась без всякого волшебства.

– Анрель, – весело обратился Жакель к привратнику, – зови Ухо! Мы порадуем капитана добычей!

– Капитан отправился на разговор к маршалу и разговор будет долгим, – ответил страж ворот. – Тем более, утром он уже обрадован – вернулась Филь-Филь.

– Недолго бегала девочка, – хохотнул Жакель.

– Бегала бы и подольше, – ответил дежурный по воровскому офису, – но она сдуру заскочила в казарму, решив, будто там капралом её дружок, а того перевели в квартал Маргариток еще прошлым месяцем. Войти вошла, а выйти не получилось. Ухо пообещал оставить её на песочке до рыбьих выжимок, но услышал приказ маршала сохранить жизнь и отправился ругаться.

Я слушала диалог, посвященный незнакомой девице, без особого интереса. Похоже, тут к правам человека относятся без уважения.

– Пусть прищелица посидит с Филь-Филь, подождет капитана, – закончил привратник, – а мы пока посчитаем цветы.

На этот раз отворилась не стена, а невидимый люк во дворе. Меня отвели по винтовой лестнице в подвал, к счастью, в каморку, откуда сверху падал блеклый свет. Никаких иных достоинств помещения я не видела.

– Красавцы, – донесся из угла хриплый голос, – вы принесли вина или нет, пёс вашу печень! Я же заплатила!

– Вот тебе вино, – сказал вор, протягивая даме большую бутыл, – вот и собеседница – пришелица из другого мира. Будь с ней вежлива, думай о своем поведении и разговоре с Ухо.

Глава 5

– Лучше бы две бутылки, – выругалась Филь-Филь. – Ладно, катитесь. А ты садись поближе, поговорим.

Пока мои глаза привыкали к темноте, я лишь чувствовала резкие духи сокамерницы, а потом смогла разглядеть даму примерно моего возраста. Жизнь ее не щадила – одних шрамов на лице хватило бы на трех авантюристок. На лбу, на щеке, на подбородке. Как ни странно, эти шрамы женщину не портили, лишь придавали некий диковатый шарм. Особенно пикантно они смотрелись в сочетании с золотистыми локонами по плечам и огромными голубыми глазами сиротки Марыси.

На полу камеры лежало несколько подвядших гвоздик, в дальнем от люка углу обнаружилась дырка, вероятно служившая унитазом. А больше никаких удобств. Даже на подстилку не расщедрились. Я уже молчу о тюремных койках.

– Ох ты, бедняжка, – начала Филь-Филь, разглядывая меня с ленивым интересом. – Понимаю, у нас тут после ваших пирожков несладко. Ничего, теперь к нашей жизни привыкай. Хотя на самом деле бедняжка я, кто же еще!

Она устроилась поудобнее, откупорила бутылку и присосалась к ней сразу да от души. А потом начался монолог печальной пьяной девицы о том, как она ошиблась, когда-то связавшись с Ухом (правда, произнося это имя, она слегка понижала голос). О том, что по ее возрасту и разнообразным талантам давно пора быть свободной мамашей и держать трактир, но Ухо не хотел ее отпускать – каждый раз новые долги находил, и пришлось сбежать.

Кажется, Филь-Филь даже не особенно интересовала моя реакция. Ей важнее было сотрясать воздух, чем получать какие-то слова в ответ.

– Тебе-то хорошо, – ворчала она, между делом отхлебывая из бутылки, – будешь дышать на цветы и веселить капа сказками, как летают на стальных драконах. А меня... Вот невезуха. Да ты пей, кстати. – И щедрым, уже слегка неточным жестом она протянула мне посудину с вином.

Пить я не собиралась. Но взглянула собеседнице в глаза и неожиданно решила утешить несчастную – взяла бутылку из ее рук и отхлебнула какую-то мерзкую кислятину.

– Не кашляй так, помаду мою попортишь, – проворчала Филь-Филь. – Дай лучше бутылку, я тебе подслащу.

Филь-Филь распахнула куртку. На ее внутренней части висел целый арсенал каких-то пузырьков и пакетиков. Она капнула из одного пузырька прямо в горлышко, снова сунула мне – действительно, напиток стал слаще.

Гулять так гулять! Я допила винище за здоровье и счастье Филь-Филь. Ведь и правда – такая хорошая девушка, ни в чем невозможно ей отказать. И обязательно нужно посочувствовать. А если будет возможность – помочь.

– У кого здоровье-счастье, так это у тебя, – проворчала та. – Годы, считай, мои, а рожа как сохранилась!

Достала зеркальце, взгляделась в него, вздохнула.

Я захотела сказать что-то утешительное. И поняла, что не прочь слегка поспать. Даже на каменном полу.

Сквозь сон я ощутила пальцы Филь-Филь на своем лице. Хотела их отбросить. И поняла, что сплю крепко. Еще успела подумать, что никогда раньше не допустила бы подобного идиотизма – пить с незнакомой теткой незнакомое пойло в незнакомом месте... Кажется, когда меня украли из нормального мира, мозги мои захватить забыли.

Сон сменился дремотой. Я решила, будто заснула, не дойдя до дивана.... Все равно слишком жестко. Открыла глаза. И, не успев все вспомнить, услышала голоса.

– Пусти-ка поглядеть на пришелицу.

– Оpozдал, братик. Ее уже к себе Ухо позвал. Филь-Филь, конечно, на десерт оставил, сперва решил с той поговорить.

Сон продолжается. Или был еще один, забытый, в котором я поговорила с этим Ухом.

– И?

– Она дурой оказалась, почти немой – только бормотала. Наш кап продал ее в квартал Мимоз за двадцать тиров, пока никто не знает, что она убогенькая.

Так. Кроме меня, была еще какая-то «пришелица», оказавшаяся глухонемой дурой. Сейчас на разговор позовут меня или Филь-Филь.

Я огляделась и, несмотря на потемки, поняла – Филь-Филь рядом не было. Как так?

Нехорошее подозрение заскреблось где-то там, в подсознании, но я торопливо придавила его: несмотря на общий дурдом ситуации, похищение и прочий туман, не может ведь такого быть, чтобы меня перепутали с этой несчастной девицей. Не может же, правда? Рука сама потянулась к лицу. Не знаю почему. Вот пальцы скользнули по виску и... нащупали шрам на щеке.

Я не заорала только потому, что голос у меня отнялся совсем и напрочь. Мгновенно вспомнились и собственная покладистость, и несколько преувеличенно горячее сочувствие к незнакомой девице. Неужели все это было... чем, гипнозом? Типа цыганского? Или гипнозельем из того самого флакончика – «я тебе подслащу». Но даже от цыганского гипноза или зелья за несколько часов сна на лице не появляются зажившие шрамы!

– Эй ты! Совсем окосела, что ли? Стареешь, девка, чтоб раньше Филь-Филь да развезло с одной бутылки кислого пойла?

– Дык это она, небось, со страху. Песочек, он кого угодно напугает. Досуха-то не велено, но кто Уху указ? Он насчет наказания непокорных дурочек удержу не знает. Эй ты. Вставай. Ну вставай сама, а? Лезть за тобой лениво. Если не станешь дуреть, мы тебе за шиворот пару лепестков сунем, прежде чем на песок волочь. Глядишь, и полегче будет.

Я бы, может, и попыталась ему помочь. Да вот только встать на ноги попросту не могла. Туман в голове почти рассеялся, зато ноги и руки отказались сотрудничать с такими дурными мозгами. Поэтому, вяло потрепыхавшись на полу, я бросила попытки встать и затихла.

– Вот мокрица! – выругался тот, что постарше. И полез в темницу сам. – Ну, не жалуйся теперь, никаких тебе лепесточков. Засыхай на корню, если такая пакостная натура у тебя.

Без всякой нежности вздернув слабое тельце на ноги, охранник поудобнее перехватил меня за шиворот и выволок из темницы.

– Шевели побегами, Филь-Филь, не зли меня еще больше! – прошипел тюремщик, тычком направляя меня в сторону своего напарника. – Грабли-то вытяни, не в первый раз песочат. Не строй бóльшую дуру и стерву, чем ты есть!

– Ты погоду, дядька, – всмотрелся в мое лицо тот, который помоложе. – Кажись, не в себе она. Может, вино пропавшее было? Ты где его брал, у тетки Клуазетты небось? Так она ж для крепости туда крысиного яду подмешает и не поморщится. Глянь, глаза-то у нее мутные, чисто обесцветилась.

– Не мое дело, – отмахнулся старший. – Надевай ошейник да пошли отведем, иначе Ухо нас самих на сушку определит. До завтрашнего полудня велел не трогать и даже не подходить к песчанке. Ежели выживет – ее счастье. А помрет дня через три – так это она сама, Ухо тут не ответчик. И приказ мара не нарушен, и остальным беглянкам наперед наука. Поостерегутся бунтовать.

– Эх, Филь-Филь, хорошая ты была девчонка, – посочувствовал мне молоденький. – Шагай, чего ж теперь.

Глава 6

Этьен

Цроп, цроп, црып, црып.

Над краем стола появились две мягкие лапки, а потом возникла лукавая мордочка. Черные глазенки сосредоточенно оглядели столешницу – что можно сегодня стянуть на пол и объявить добычей?

Каждое утро, сев за стол, я придвигаю к краю несколько предметов – хватай, сбрасывай, играй. Сегодня выбор был обычный – сломанное перо, ложечка от кофейной чашки, бумажка из-под пилюли.

Что предпочтешь, Крошка?

Год назад она предпочла вспрыгнуть на стол и опрокинула чернильницу на кварталный отчет о внешней торговле. Через пять секунд в кабинете были оба секретаря. Они извинялись, будто испортили документ сами, мгновенно переписали его и заменили скатерть. Каждый получил в награду охапку вчерашних тюльпанов – можно использовать, можно продать.

С Крошкой я просто поговорил, когда она вылизывала в углу чернильную лапу.

– Не делай так больше. Если тебе лень идти за мышью и хочется найти игрушку на столе, я дам ее сам.

Говорят, что катланк втрое больше обычного кота, а умнее – вчетверо. В случае Крошки так и есть. Надеюсь, она не обиделась на имя. Почти всех домашних катланков называют Крошками. Как круглую собаку – Шарик, а худую – Стручок.

Между тем Крошка остановила выбор на обертке от пилюли. Стянула и принялась охотиться, недовольно пофыркивая, когда в ноздри попадали остатки снадобья.

Принимать его я повадился два года назад.

«Не надо пить такой крепкий кофе, – сказала сердце, – мне тяжело».

«А мне без него сонно», – ответил мозг.

Сердце и мозг заспорили. Как всегда, победил мозг и предложил запивать кофе лекарством. Теперь каждое утро к черному подъезду приходит не только молочница, зеленщица и мальчишка из пекарни, но и ученик аптекаря с недавно сделанной пилюлей. Она стала условием моего ежедневного кофе, а бумажка от нее – любимой игрушкой Крошки.

Любимой, но недолгой. Основное удовольствие от бумажки в том, что ее можно порвать в клочья. Когда обрывки стали такими мелкими, что не поиграешь, над столом опять возвысилась мордочка, а цепкие лапы утянули ложку. Она не успела долететь до паркета, как Крошка ухватила ее зубами и начала перекатываться на полу, подбрасывая добычу, будто вместо пойманной мышки забавлялась рыбкой.

Интересно, как сохранились катланки? Они не только живут в диких зарослях, но встречаются и в засохших садах Города. Может, дело в суеверии: убить катланка – к несчастью? Может, им просто везет? Может, их боятся?

Как выжил я – тоже непонятно. Я, князь Этьен зи Ома, уже пятый год один из четырех столпов Совета блюстителей Добродетели. Каждую неделю «Листок свободы» выходит с заглавной статьей, объясняющей, за что меня пора казнить. Странно, не правда ли?

Все началось с того, что король на меня обиделся за мнение о принципах налоговой системы. Три года спустя простил и пригласил на Осенний бал. Как позже выяснилось, с последствиями различной степени несчастья.

О новом королевском фаворите – графе Оллере зи Бента – я слышал многократно, но уединение не позволяло познакомиться с ним поближе. Другое имя – Оллер зи Реген, владеющий не графством Бента, а самим королем, – тоже было на шепотливом слуху. Граф боролся с

некрасивым слухом тем, что не пропускал ни одной из красавиц, побеждал и хвастался победами на весь королевский двор.

Увы, с моей супругой получилось именно так. С разрешения его величества или без разрешения он принес из сокровищницы сундучок покойной королевы-матери, позволил моей жене надеть драгоценности, а лучший придворный живописец уже к вечеру вручил ей почти просохший портрет.

– Если тебя это обижает, дорогой, давай уедем в загородный замок, – проворковала супруга.

Я не согласился – очередная ошибка.

На следующий день у моих дверей были королевский шут и герольд. Шут привинчивал к дверям рога, вестник вручил бумагу, согласно которой мне одному надлежало отбыть в замок, а для утешения, если пожелаю, позволялось охотиться в соседнем королевском лесу.

Если автор этого плана надеялся, что я поколочу шута и заколю герольда – скорее всего, так, неподалеку зевала стража, – то он ошибся. Я перечитал бумагу, она требовала покинуть Город до полуночи. Солнце едва зашло, когда я уже прибыл во дворец, где давали малый бал. На ходу я так решительно размахивал бумагой с королевской печатью, что легко добрался до Золотого зала и выплеснул бокал вина в лицо обидчика.

– Это... Это смывается... – гневно закашлялся он.

– ...в умывальном кабинете, – продолжил я, – слева за дверью. Что же касается другого варианта, не сомневаюсь, такое ничтожество, как вы, скорее выклянчит указ о моем аресте. В любом случае я жду у фонтана.

Фаворит побывал в умывальной, переоделся и прибежал к фонтану в компании друзей, споривших, кому быть секундантом и на какой минуте он пронзит унылого старикашку.

– Крошка, давай проверим, есть ли у меня шансы сейчас, – предложил я, присаживаясь к катланку. Выбросил правую руку вперед, ухватил ложку, летавшую между лапами.

Почти удачно. Но Крошка все же успела коснуться мягкой подушечкой моей руки. Я понимал – если бы выпустила коготь, пришлось бы звать лекаря.

– Да, ты права, Крошка. Надо сходить в зал не завтра, а сегодня.

Из спорщиков не выиграл никто. Я до сих пор не ощущаю себя убийцей – дурень просто налетел на мою шпагу, будто желая пощупать эфес, и почти в этом преуспел. Мимолетные секунданты толпясь над телом до появления стражи.

Потом была камера в старой башне. Относительно просторная, с библиотекой и правом посещения в любое время. Этим правом пользовалась жена, она выполняла мои просьбы и была почти уверена, что я ее простил.

Потом целый день в городе бухало, гремело, а дым застилал солнце. Потом донесся грохот выбиваемых дверей. Скоро дошло и до моей.

Я сидел за книгой, когда ворвалась толпа незваных и неведомых гостей.

– Господ тоже держат под замком? – удивленно сказал один из них.

– Это же убийца фаворита, – донеслось сзади.

Я так и не покинул кресла. Меня вынесли на нем и под рукоплескания пронесли до главной городской площади...

Уже в темноте я, избранный в совет блюстителей Добродетели, был дома. На пороге встретила жена.

– Как я рада, – искренне сказала она.

– Что наш дом не сожгли в отличие от многих других и даже охраняют, – уточнил я. – Кстати, ты не заметила, что в городе стало тяжелее дышать?

– Да, – ответила супруга.

– Крошка, какая ты счастливая, – сказал я, возвращаясь в кресло. – Ты дышишь рядом с живыми цветами. А также засохшими цветами. А также среди сена и камней. А мне приходится стараться, чтобы этот несчастный Город не задохнулся окончательно.

Крошка сказала «мур-р» и стянула со стола третью добычу – сломанное перо.

Глава 7

Алина

Странное чувство онемения всего тела постепенно сходило на нет. Не менее странное чувство онемения всего мозга никак не хотело покидать мою голову. Кажется, в тот момент, когда гадкий Поползень втащил меня в туман, все мои способности здраво мыслить и четко действовать застыли дрожащим холодом. Только сейчас постепенно появилось ощущение, что там, в самом центре меня, потихоньку оживают колкие горячие муравьи, как всегда бывает, если, к примеру, ногу отсидеть, а потом выпрямить.

Вот и мои мозги, судя по всему, потихоньку «выпрямлялись», для начала запустив в сознание огненных насекомых паники.

Слава богу, бороться с этой напастью я умела. Не то чтобы идеально, но глубоко вдыхать чуть затхлый воздух на два счета и выдыхать на три – на это меня хватило. Тут главное было не сбиться со счета и не позволить себе дыхания загнанной лошади.

Мы с моими сопровождающими шли по слегка замусоренной мощеной улочке между крепкими кирпичными стенами. Улочка плавно загибалась влево, и вскоре я сообразила, что меня ведут по сужающейся спирали в пределах относительно небольшого пространства. Поместья? Квартала? Непонятно.

И неудобно, потому что сбежать совершенно некуда – либо вперед идти, либо назад прорываться, в любом случае догонят, еще и накостыляют. Настоящая Филь-Филь, паршивка такая, замечательно придумала – украла мое лицо, а взамен подсунула мне собственную участь в виде какого-то там «песка». Понятия не имею, что это такое, и узнавать не стремлюсь. Но кто бы меня спрашивал?

И упираться ногами в брусчатку бесполезно по все той же причине – ничего не добьюсь, кроме пинка под одно интересное место. Остается что? Остается идти и готовиться: может быть, этот самый песок вовсе не такое страшное место. А более открытое, и оттуда получится слинять. А уже дальше буду искать Поползня и стену в тумане. Мало ли что он там ляпнул про «вернуться невозможно». Сам-то, паразит, дважды за цветами приходил, значит, и в третий раз сумеет открыть это неизвестно что. Тут главное – аргументы для него подобрать убедительные. Камнем по голове, например. Потом связать и пригрозить что-нибудь отрезать.

Да, я вот такая кровожадная. Потому что не фиг было похищать, сначала меня целиком, а потом мое лицо отдельно. И чтоб мне лопнуть, если я Поползня не отловлю. Даже если не получится использовать его как ключ от двери в родной дом – просто пришибу. Чтоб неповадно было.

Филь-Филь тоже стоило бы найти, но тут, как говорится, вопрос приоритета. Домой я хочу больше, чем повыдергивать волосья этой мошеннице и воровке. А дома, глядишь, и морок пропадет, мое родное и в целом симпатичное личико вернется к хозяйке.

Все эти мысли помогли мне не впасть в уныние и настроили на боевой лад. Даже походка стала тверже. Еще чего, сдаваться заранее! Не на ту напали. Переживу я ваш песок, а потом...

– Что, оклемалась маленько, Филь-Филь?

Мы как раз дошли до цели, во всяком случае узкая улочка кончилась тупиком. В перегородившей дорогу стене была небольшая, но массивная дверь, запертая на амбарный замок. Старший тюремщик не торопясь возился с ключами, а младший задорно толкнул меня локтем в бок:

– Правильно. Чего нос вешать? В первый раз, что ли? На вот. – Я почувствовала, как его рука скользнула в мое декольте, и уже хотела врезать наглецу по физиономии, когда поняла, что он не просто извращенец, а действительно пытается помочь. Ну, как помочь – парень насыпал мне в вырез тех самых вялых гвоздик, точнее оборванных с несчастных цветочков лепестков.

Понятия не имею, на кой черт это нужно, но здешний дурдом так увлеченно крутится вокруг цветов, что лепестки – неспроста.

В любом случае стоит сначала разобраться и только потом отвешивать пощечины, кому сколько набегит к тому моменту. Это программа-максимум.

А минимум – это выжить вот прямо сейчас.

Мощный толчок в спину заставил меня почти вбежать в противно скрипнувшую при открытии дверь. Ноги моментально увязли в самом настоящем песке почти по колено. Громкий хлопок за спиной возвестил торопливое бегство охраны – так они боялись того, что внутри. Я слышала ругательства старшего и торопливый скрежет ключа в замке – кажется, у тюремщика тряслись руки и он никак не мог нормально запереть опасное место.

Я же была внутри. Стояла, словно застигнутый светом фар ежик посреди шоссе. И даже не моргала. Осматривалась, ежесекундно ожидая нападения со всех сторон. Или еще чего-нибудь ужасного – ведь не зря тюремщики были так испуганы?

Но секунды текли с тихим шорохом, совсем как песок под ногами, а ничего не происходило. Только солнце, как раз поднявшееся в зенит на безоблачном небе, начало припекать макушку.

Я оказалась в просторном – шагов тридцать – сорок в поперечнике – круглом двореке, со всех сторон ограниченном высоченными стенами. Двор был засыпан песком, обычным таким, чуть желтоватым. Довольно крупным. Поскольку я была в кроссовках и джинсах, особенного неудобства он мне не доставлял, хотя я и увязла почти по колено.

Тюремщики наконец справились с замком и ушли, их шаги и ругань замерли в отдалении. Стало так тихо, что аж уши слегка заложил. Но и только – по-прежнему никаких ужасов.

Я еще раз внимательно осмотрелась. Убедилась, что дальше коленей в песок не погружаюсь, а подошвы моих кроссовок уже нащупали там, в глубине, что-то твердое, почти как брусчатка на улице. Без особого труда вытащила ногу из ловушки и осторожно шагнула вперед.

К пляжу меня приговорили, что ли?

Через полчаса я с удивлением убедилась, что если и помру здесь от чего-то, то это будут банальные голод и жажда. И перегрев. Солнце палило уже нешуточно, а в этой рукотворной пустыне не было даже намека на тень. Во всяком случае беглый осмотр ничего похожего не выявил. Посидев минут пять у стены, я решила на второй заход, точнее обход. Раз такое дело – почему бы не прощупать периметр? Та дверь, через которую меня сюда впихнули, стоит отойти от нее на несколько шагов, почти сливается со стеной. Может, здесь еще такие найдутся? А что, не может же мое невезение длиться вечно. В крайнем случае, если не сбегу, то хоть тенек себе организую. А то рубашка, повязанная вокруг головы на манер бедуинской куфии, – это лучше, чем ничего, но все равно не панацея.

Вот кстати, почему никто из стражников не обратил внимания, во что я одета? Ведь платье свое Филь-Филь унесла с собой. Значит, это все же иллюзия, а не обмен телами. Уже хорошо.

Под такие мысли я довольно бодро ползла вдоль стены. Потом встала, пошла. Потом от скуки пару раз подпрыгнула. И поняла, что допрыгалась.

Глава 8

Девы и юноши, старцы и дети,
Флагу свободы привержены вы!
Мы защитили в боях добродетель,
На баррикадах последней войны!

Совет блюстителей начинается с гимна Свободы. Едва мы сели с четырех сторон квадратного стола, как оркестр и хор за стеной не пожалели пальцев и легких. Это было нетрудно: цветов во дворце Совета достаточно, и каждый музыкальный трудяга очень хочет быть приглашенным еще раз.

Я застал королевские советы, при отце последнего монарха, молодой секретарь, не то чтобы рассчитывавший на карьеру, но не имевший ничего против нее. Перед тем как сесть, кланялись его величеству и быстро шептали молитовку Старобогу. Но точно никто не смотрел на губы другого, стараясь понять, молится тот или нет, – в юности такие вещи схватываются навсегда.

Со стороны наша четверка может показаться квадратом. На самом деле мы – пирамида. Три угла основания: блюститель Справедливости, блюститель Мира, блюститель Созидания – я. А над нами возвышается блюститель Добродетели.

Первым взял слово блюститель Мира, тучный заика. Идеальный военный министр, которого презирают и офицеры, и рядовые воины, а значит, он никогда не совершит переворот. Он доложил, что на границе порядок, соседи нас боятся и готовы честно торговать.

Я помнил времена, когда новая власть пыталась подарить Свободу и Добродетель соседним герцогствам и королевствам. Увы, в захваченных землях увядали не только цветы, но и колосья и деревья. Впрочем, вражеские ответные походы с целью завладеть ничейным королевством тоже оказались бесплодны – воины начинали задыхаться в самый неподходящий момент. Поэтому установился худой мир – наши мануфактуры, производившие прежде изысканные ткани, фарфоровую посуду, гобелены и прочие радости для наших аристократов, теперь производят то же самое для аристократов зарубежных. А из-за границы к нам спешат повозки со свежесрезанными цветами. За это все, между прочим, отвечаю я.

Ну ладно, слушайте отчет, неуважаемые негоспода.

Говорил я кратко: колеса крутятся, прялки прядут, живописцы покрывают вазы нашими знаменитыми рисунками. Обязательно добавил, что все соблюдают нормы Добродетели. Исправно трудятся на мельницу бюджета и городские театры, между прочим, каждый дает доход не меньше гобеленовой мастерской. Репертуар, уважаемые братья, тоже соответствует нормам, в этом сезоне две премьеры: «Уличенный щеголь» и «Раскаявшаяся куртизанка».

Добродетельные братья улыбнулись, и я воспользовался моментом подсыпать щепоть горечи:

– Вы помните мое обещание – до Зимнего праздника не брать займы у бывшего короля? Праздник был два месяца назад, поэтому из казны взято пять тысяч золотых бескоронков.

– С этого момента подробнее, – оживился блюститель Справедливости.

– Подробности можете прочитать на досуге, – ответил я и положил на стол толстую папку, слегка придвинув к оппоненту. Но не под нос: пусть выбирает, взять или оставить. – Мною расписана трата каждой сотни, и все – на цветы. Мастерицы-надомницы требуют хотя бы ромашек по фиксированной цене – рынок для них дорог. Прикованным к колесам тоже нужны еще живые цветы, а не сухой гербарий. Мы ведь хотим, чтобы колеса вертелись?

Блюститель Справедливости вопросительно взглянул на вершину пирамиды – блюстителя Добродетели. Тот изобразил почти незаметную улыбку – знак того, что мне вопросы больше задавать не нужно.

Справедливник столь же незаметно вздохнул и приступил к своему докладу.

В Городе все в порядке, даже порядочней и добродетельней, чем можно ожидать. Правда, периодически встречаются хитрецы и ловчилы, которые пытаются торговать по завышенной цене или перемещаться из квартала в квартал, не зарегистрировавшись ни в одном из них. Также некоторые юноши и девы, посмотрев комедии про раскаявшихся куртизанок, пытаются уподобиться героям, согрешить, а потом раскаяться. Нет, что вы, пьесы запрещать нельзя, они приносят доход.

В остальном же все в порядке. Как известно, главная угроза Добродетели – девочки-сироты и еще не старые вдовы. Департамент Справедливости следит, чтобы они все были зарегистрированы вовремя и жили под патронажем покровителя, добродетельность которого установлена справкой.

Оратор закончил и грустно взглянул на нас: надеюсь, вопросов не будет.

– Очень хорошо, что вы следите за театральным репертуаром, – неторопливо начал я. – Вы также контролируете поступление в Город цветов из Тумана? А сколько вам известно частных песочниц?

Блюстителю Справедливости оглядел братьев-коллег, ища защиты от вопросов. Потом ответил на один неуверенным тоном:

– Две или три.

– По моим сведениям, их не меньше четырех, – жестко сказал я, – а скорее всего, больше. Их содержат Призраки Ночи для наказания недостаточно сообразительных должников и недостаточно добродетельных девиц. Я пару раз слышал шепот на мануфактурах: при свергнутом тиране частных эшафотов не было.

– Похоже, на уме у вас только тиран, свергнутый народом, – вздохнул оппонент.

– Что у меня на уме, то на уме, – заметил я, – а вы ответьте: сколько в Городе частных песочниц и почему ваш департамент делит власть с Призраками, добывающими цветы из Тумана?

Блюститель Справедливости молчал, я тоже. И тут впервые взял слово блюститель Добродетели:

– Не мною сказано: песок может быть самой мучительной казнью и самым легким наказанием. В любом случае бесконтрольное использование его не преумножает добродетель...

Я слушал, защищаясь от унылого словесного дождя зонтиком своих размышлений.

Песок – площадка, поглощающая аромат цветов, – и правда самое легкое наказание, если туда поместили на полчаса. И верная смерть, если на полдня – после такого уже не отдышаться. Легкие уже не будут работать как прежде, как рыба, долго лежавшая на берегу, не поплывет.

Впрочем, все мы, жители Города Свободы, выловленные рыбы. Только задыхаемся не так быстро и страшно, как на песке.

Я тихо и незаметно усмехнулся. С детства считал, что легенда о королевском тюльпане – просто старинная сказка. Пусть на ее сюжет написано несколько баллад и картин. Но когда король лишился короны – да, по заслугам, тут спорить не буду, – в стране и правда увяли цветы. Не тюльпаны, испокон веков дарившие силу династии, а вообще все. И оказалось, что мы не просто творим магию цветов, а буквально дышим ими.

Я размышлял и при этом внимательно смотрел на грудь блюстителя. К ней был приколот желтый тюльпан, красный изнутри. Я осматриваю все партии цветов, поступающих в Город. Даже те, что контрабандой добыли Ночные Призраки. Такого цветка там не было. Или, может, я проглядел.

Глава 9

– И еще в... И на... Через... тридцать три раза!

Так, кажется, вспомнила вообще все матерные слова, какие когда-либо слышала, пусть даже мельком. А уровень экспрессии если и снизился, то совсем чуть-чуть. Копчик ушибла... не сильно, но болезненно. И локоть разбила.

Это ж надо быть такой идиоткой! Мало того что меня украли в другой мир, потом украли мое лицо, потом притащили в гигантскую песочницу с явно нехорошими намерениями... так я и здесь умудрилась найти приключений на ровном месте.

Буквально! Провалиться в подземелье там, где даже следов его не было, – это надо постараться. Главное, я же никогда не была ходячим несчастьем, скорее наоборот. Не сказать, чтобы мне как-то фантастически везло – миллион в лотерею я ни разу не выиграла, – но по мелочам если беда могла просвистеть мимо, то свистела и пролетала, как фанера над Парижем...

А теперь что, все? Кончился период счастливых совпадений, я исчерпала свой запас удачных возможностей и теперь буду влипать в каждое де... – в него самое! – какое появится на горизонте?!

Ну ладно, ладно. Надо делать лимонад из тех лимонов, о которые не повезло споткнуться. Как минимум смерть от теплового удара мне больше не угрожает – в том подземелье, куда я с воплем влетела, когда песок под ногами пришел в движение и закрутился воронкой, было не только прохладно, но и влажно. То есть если поискать, то, возможно, найдется и вода. А еще тут был сквозняк, который я не сразу заметила и осознала. А там, где есть сквозняк...

Так, может, это вовсе не беда, прилетевшая за компанию с остальными, а вполне себе шанс? Вылезать обратно в песочницу у меня нет ни малейшего желания. И даже не интересно, первая я такая дурында, что поперлась исследовать периметр, или до меня сюда уже проваливались другие везунчики? Скелетов под ногами не наблюдается – значит, если и провалились, то ушли. Чего и мне желаю от всей души.

Глаза привыкли к полутьме, и я обнаружила, что та дыра, в которую я провалилась, снова сама собой затянулась тонким слоем песка, пропускающим свет, но создающим идеальную маскировку. Хм... все страньше и страньше. Зато в другом углу каменного мешка есть еще один проход. Именно из него тянет влагой и сквозняком, а еще там темно, как на хорошем картофельном складе.

Выбора у меня все равно не было, так что в сырую дыру я полезла довольно бодро, правда уже предпринимая хоть какие-то меры предосторожности: прежде, чем наступить всем весом, ощупывала каменный пол ногой. Провалиться еще раз мне совсем не хотелось.

Постепенно глаза привыкли к более глухой тьме, и я разглядела, что оказалась в довольно просторном коридоре со сводчатым кирпичным потолком – было немного похоже на кусок парижских катакомб, в которые нас вели с экскурсией сразу после Лувра.

Сыростью тянуло все сильнее, коридор пока шел почти прямо, лишь совсем чуть-чуть изгибаясь вправо. Если я ничего не путаю, он тянулся под всей той закрученной спиралью узкой улицей, по которой меня вели в песочницу. И если спираль все время заворачивала налево, то здесь...

Ой! Бассейн. Самый настоящий.

Справа открылась арка, за которой был темный зал, как мне показалось сначала, с зеркальным полом. Но уже через секунду я поняла, что это не зеркало, а вода. Едва слышный плеск в дальнем темном углу указал, как наполняется этот резервуар, там явно находился источник.

Воду я сначала потрогала. Потом понюхала. Потом лизнула мокрый палец кончиком языка. И убедилась: самая обычная водичка, холодная, очень приятная на вкус. Впрочем,

последнее – результат жажды. И радости – умирать от обезвоживания очень неприятно, а теперь мне такая смерть не грозит.

Оставив в покое бассейн, отправилась исследовать подземелье дальше. Вдруг где-то дальше и еда найдется? Ну вдруг? Если считать за чудеса все, что со мной приключилось за последние сутки, я имею право надеяться на подобное везение. У меня, конечно, в кармане рубашки осталась половинка шоколадки, но долго на ней не протянуть.

Увы. Еды я не нашла. Нашла что-то вроде сухого колодца с ярко-синим кружочком дневного неба где-то там, далеко вверх. Колодец, на дне которого я оказалась, был, по моим прикидкам, метров двадцать глубиной, и взобраться по отвесным стенам не получилось бы даже у самой ловкой мартышки.

Решив, что находка бесполезна, я уже было развернулась уходить и напоследок машинально взгляделась в кучку какого-то мусора недалеко от дыры, ведущей обратно в подземелье. И едва не заорала от ужаса.

А кто бы на моем месте не заорал, увидев труп?!

Хотя пока видна была только одна рука трупа, но выглядела она мертвее некуда – бледная и скрюченная. А еще через секунду, проглотив и продышав собственный ужас, я осознала следующий кошмарный факт: рука была детская.

Господи боже ты мой, вот только мертвых детей мне не хватало! За какие грехи меня занесло в эту дыру?!

Пока я мысленно рыдала в небеса (вслух не могла, язык отнялся), мертвая детская рука едва заметно дрогнула, а из кучи мусора послышался тихий стон.

Ух! В одно мгновение мне словно раскаленный прут вонзили снизу вдоль позвоночника. Страх испарился моментально – ребенок еще жив, а значит, надо что-то быстро сделать, чтобы он не умер!

Сначала и с перепугу мне показалось, что выкопанное из хлама тельце принадлежит совсем малышу лет пяти. И непонятно было, мальчик это или девочка – лицо замурзанное, светлые когда-то волосы сбились в грязные колтуны. То ли отросли, то ли изначально были ниже плеч.

Глаза у ребенка были закрыты, потрескавшиеся губы обметало. И первое, что я сделала, подхватив малыша на руки (тут-то и выяснилось, что я неправильно определила возраст – дите оказалось старше), это рванула обратно в подземелье к бассейну. На ощупь температуры у мелкого не было, наоборот – ледышка в руках. Но вот признаки обезвоживания, что называется, налицо.

Не слишком раздумывая, я прямо в джинсах, скинув только кроссовки, вошла в воду – у входа в пещеру с источником глубина была не больше, чем по колено, – и осторожно присела, держа ребенка на руках. Чтобы понять, насколько все плохо, его надо было отмыть и как минимум напоить. По капельке, с ладоней, сначала просто смачивая потрескавшиеся губы и протирая лицо.

Слава всем богам, самое простое оказалось самым действенным. Минут через пять малыш уже сам глотал воду, жадно причмокивая, а потом открыл глаза.

– Мама?

Глава 10

Лирэн

Я не стал спрашивать Ухо, как он распорядился глухонемой пришелицей. Мне уже сообщили, что она в квартале Мимоз, и проследили ее путь – колесо на малой ткацкой мануфактуре. Это меня сразу насторожило. С одной стороны, колесо – штука пакостная, кому, как не мне, знать. Но если охота отсидеться в полутьме, без назойливых вопросов, то место подходящее.

На мануфактуру я отправился без промедления. Прошел цеховой зал мимо вращающихся станков и работников, тянувших ворчливую песню. Бросил на ходу: «Сейчас отдохнете».

Когда-то, на самом деле не так давно, от главной городской реки тянулись каналы с запрудами и колеса вертела вода. Но речка обмелела, каналы высохли, ветер наш Город тоже не балует. Чтобы крутились станки, колеса вертят руки, предусмотрительно спрятанные в подвал под цехом.

Туда я и спустился.

Колесо на восемь человек не было штрафным – никто не прикован, стояли подставки для тех, кто низкого роста, а нижний мастер, или, по-старому, надсмотрщик, прогуливался посвистывая. Широкий бич висел на стене.

В свое время мне, мальчонке, никто подставку не ставил, так что с тех пор мои руки чуть вытянутые – первой кличкой в Братстве было Длиннорук. Надсмотрщик бичом не только хлопал в воздухе. Через год я расстался с колесом, через два его нашел, и, клянусь клинком, мерзавец почти не страдал.

Я добрый. Поэтому злым жить не даю. Не позволяю.

Этот надсмотрщик узнал меня сразу, что делает ему честь, или догадался, кто я, что делает честь его уму еще больше.

– Когда перерыв?

– Через полчаса.

Я дал ему монету.

– Объяви сейчас.

– Верхний мастер будет недоволен, – неуверенно ответил надсмотрщик, пряча сребреник.

– Неужели такой молодец может бояться чьего-то гнева? – спросил я с показным удивлением и явным нажимом, протягивая вторую монету. – За это ты придумаешь причину для мастера.

Надсмотрщик вздохнул, дернул шнур – сигнал наверх.

– Девочки, мальчики – отдых, – нерадостно сказал он и побрел по ступенькам, выдумывая причину остановки колеса.

Вертельщики замерли от удивления, потом, покряхтывая и массируя поясницы, разбрелись по углам и своим узелкам.

Неподалеку была девчушка, которая больше других нуждалась в подставке для ног. Худенькая, большеглазая, она отошла от своей рукояти на три шага, будто хвататься за нее предстоит прямо сейчас.

– Ласточка – и в подземелье? – удивленно-ласково спросил я. – Как твое имя?

– Ли, – тихо ответила девчушка.

– Объясни, Ли, какие черти тебя сюда завлекли, – сказал я самым доверительным тоном.

...Отца нет, в семье шестеро, до четырнадцати жила на общественном хлебе, зарегистрировалась, мать доплатила, чтобы нашли сытое место. Поначалу так и было: трактирщик кормил

много и сладко, потом стал намекать, потом отправил всех из дома и зажал в углу на кухне. Ли отбивалась, разбила посуду, хозяин облил ее вином, отволол в суд, обвинил в пьяном дебоше. Суд приговорил к штрафу в тридцать монет, денег не было, и...

– Если поможешь мне – уйдешь наверх и будешь работать там, где не тронут, пока не захочешь сама, – предложил я. – Вчера здесь должна была появиться странная женщина.

Ли осторожно показала пальчиком в противоположный, самый темный угол, затем на стену. Тусклого света хватило, чтобы разобрать нацарапанную надпись:

«Я НИМАЯ. КТО НИ ПОНЯЛ – АТРЕЖУ ЯСЫК».

Я тихо усмехнулся.

– Она и вправду немая? Не мнись, не бойся. Отрезать здесь могу только я, и никто другой.

– Когда ей утром отдавили ногу, – шепнула Ли, – она упомянула блудного демона и добродетельную козу так зло, что мне стало страшно за козочку.

– Спасибо, Ли, ты меня не подвела. Если у тебя есть вещи, возьми и ступай наверх. Раньше надсмотрщика встретишь парня, стоящего у ступеней. Парня зовут Терсан, передай мои слова, с местным хозяином он договорится сам. И еще назовешь адрес трактира, где с тобой так обошлись.

Девчушка взяла скудный узелок и, пошатываясь, побрела к лестнице. Я же направился в самый темный угол по стебелькам засохших ромашек и колокольчиков.

– Зачем ты прячешься, вечная девочка Филь-Филь? – с легкой укоризной спросил я.

– А ты чего забыл, краса... – донесся скрипучий шепоток. – Простите, гос... брат гранд-маршал.

– Красота проходит, ум остается, – заметил я. – Рядом я не сяду, встань, пожалуйста.

– Брат гранд-маршал, не выдавайте меня Уху! – отчаянно зашептала «немая».

– Расскажи все – и никому не выдам, и сам не сделаю ничего плохого. Но только все.

Наверное, бедняжку, потертую жизнью, маршал Ночных Клинков еще не допрашивал лично. У нас есть парочка урожденных правдивидцев, но и без них я понимал – Филь-Филь рассказала все.

– Как же так? – укоризненно вздохнул я. – Отправила невиновную бедняжку на песочницу и крутит колесико. Ладно, я обещал. У Уха к тебе тоже не будет претензий.

Наверху меня ждали Ли и Терсан.

– Брат маршал, управитель мануфактуры покладист, но был бы счастлив получить двадцатку.

– Он умерен. Отдай. Ты узнал адрес трактира?

– Вторая Каретная, номер 5.

– Сходи в гости и возьми сорок за приставучку и оговор. Станет спорить – скажешь, что вернешься с правдивидцем и девчонкой, но тогда пусть готовит сотню. Перед этим найдешь хороший трактир. Малышка, я не обещаю, что к тебе не будут подкатывать со сладостями и свежими цветами, но лапать не станут.

– Спасибо, – шепнула Ли.

На все приказы ушло меньше минуты. Подчиненные не должны видеть маршала спешащим. Но сейчас я спешил.

То, что дело нечисто, мне стало ясно, когда услышал, что пришелица оказалась немой, а все понятно до конца – после встречи с Филь-Филь. Не то чтобы я знал ее, но мне был знаком тип таких вечных невест блудного демона. До настоящей ведьмы ей еще расти во всех смыслах. Но набор кремов, пудр, а главное – сонного зелья под рукой всегда.

С пришелицей, которая попала на песок, вряд ли выйдя из-под сонного зелья, пообщаться хотелось. Но сначала надо вытащить ее с песка.

Для быстрых поездок по городу я использую карету с надписью «Скорая цветочная развозка». В ней действительно всегда большая охапка почти свежих цветов – зачем обманывать, если можно не обманывать?

Неподалеку от входа в «песочницу» стояла карета, украшенная флажком Совета Добродетели. Рядом – двое парней с невидимыми лицами, зато с вполне проглядываемыми клинками и свинцовниками под плащом. Носить маску на улицах Города – особая привилегия, которую почти невозможно купить, но можно получить за работу сугубой важности. Скажем, отвечая за безопасность одного из блюстителей. Нередко этим заняты крысы, предавшие Ночное Братство, так что они скорее умрут, чем потеряют пост.

– Мы их пройдем? – спросил Терсан.

– Нет. Он наверху. Подождем, когда выйдет с пришелицей, – сказал я.

Терсан кивнул. А я не стал говорить, что, похоже, сейчас встречу со своим главным врагом. Врагов много, но этот – самый умный.

Глава 11

Алина

Вот же ж не было у тебя, Алинка, печали. Жаловалась, дура, на проблемы с поставщиками и плохую работу продавцов. Что б такое пообещать загадочному распределителю чудес, чтобы он свои долбанные чудеса забрал обратно, а мне вернул родную питерскую слякоть и дворника дядю Ришата с его неизменным: «Я твой машина колесо вертел, шайтан, куда на газон влез, ишак ферганский?!»

А теперь у меня на руках чужой ребенок, я сама в чужом мире, в какой-то дыре, пытаюсь напоить несчастного детеныша из лужи. Ладно, не из лужи, из бассейна. И кусочек шоколадки, который я вложила малышу в рот до того, как он снова отключился, подействовал почти чудесным образом: мальчишка (разобралась, пока отмывала) всосал сладость моментально и на глазах порозовел. Ну, во всяком случае, трупным цветом лица больше не пугал. Просто спал. Отключился почти моментально, но провалился именно в сон, а не в беспамятство.

Я машинально перебирала кое-как выполосканные светлые локоны и косилась на снятую с ребенка одежду. Такую драную, грязную и грубую дерюгу еще поискать, не на всякой помойке найдешь. И разговора не было о том, чтобы снова надеть это на ребенка. Тем более что пару раз я заметила в складках и швах подозрительное шевеление. Нехорошее такое.

Поэтому мальчишка оказался укутан в мою рубашку, она ему как раз оказалась почти до колен. Как он вообще здесь очутился? Ну ладно, я понимаю – разбитную взрослую девицу Филь-Филь тоже было жалко, но ее наказание хоть как-то объяснимо: вполне верилось, что шустрая блондинка может и обокрасть, и оболгать. А то и по голове съездить зазевавшемуся простаку. Но ребенок?! Да еще такой маленький?

Неужели его сбросили в колодец? Нет, тогда на теле было бы больше повреждений. Синяков и ссадин у него целая россыпь, но, слава богу, все несерьезные. А вот на спине обнаружилось то, что вызвало у меня скрежет зубовый и желание пойти собственными руками разобрать на лепестки того, кто это сделал. Бить такого маленького ремнем или хлыстом – уж не знаю чем – до синих вспухших полос?! Выберусь и найду. И лично сделаю с садистом что-то гораздо более нехорошее...

М-да, нашлась мстительница... хорошо говорить «выберусь». А как это сделать? Я ведь даже подземелье до конца не обследовала, тот колодец, где я нашла мальчишку, – он тоже ответвление от основного коридора. Но теперь я не рискну пойти дальше одна, оставив ребенка. Во-первых, не на каменный же пол его класть, во-вторых, проснется и испугается. И так в полубреду принял меня за свою мать, что вообще не удивительно – здесь не слишком светло, а малец, думаю, не особо четко видел в его состоянии. Любое женское лицо материнским покажется. Особенно если она у него блондинка была, как Филь-Филь.

Съев одну дольку шоколада, я аккуратно завернула остальное в фольгу. Если что – лучше отдам ребенку. А свои силы вроде бы чуть подкрепила. Теперь надо поудобнее устроить находку у себя на спине, и можно отправляться искать выход из этой, прости господи, задницы мира.

Хорошо, что я люблю читать, а в детстве так и вовсе проглотила какое-то нереальное количество книг. И особенно любила всякие исторические приключения. Там, например, я вычитала, как матери в некоторых южных странах носят детей на спине, даже если эти дети уже довольно-таки подросли и уже ни разу не младенцы.

Детенок продолжал спать – сон у него был ни разу не здоровый, время от времени он едва слышно постанывал и не просыпался ни в какую, что бы я с ним ни делала. Поэтому просто держаться руками за мои плечи он не мог. Но как с такой проблемой справиться, я знала – оставалось только радоваться питерской погоде, благодаря которой на мне, кроме рубашки,

были еще ветровка и футболка. Вот футболку я оставила, а из свернутой ветровки изобразила нечто вроде длинного шарфа, которым связала запястья «наездника». Теперь можно было просто закинуть его ручонки себе на шею, подхватить под тощенькие лапки и устроить на спине на манер детеныша коалы. Во. Руки, конечно, заняты... зато ноги вполне могут идти и даже бежать, если надобность такая появится.

Следующие несколько часов слились в неясную череду света и тени, камней под ногами, камней над головой. Несколько раз я останавливалась, чтобы накормить все еще спящего мальчишку очередной долькой шоколада – после нее он гораздо меньше стонал и дышал ровнее. Жаль, воды с собой взять было не в чем, именно поэтому я и сама напилась от пуза, и в ребенка влила сколько сумела. Но бесконечно так блуждать было нельзя, и я, ставя очередную метку на стене (очень пригодился найденный кусок кирпича, который выпал из кладки), решила, что, если в ближайшие полчаса не найду выхода, вернусь к бассейну. Там мы опять напьемся, отдохнем и отправимся исследовать другой участок подземелья. Ведь сквозняк я все равно ощущала на протяжении всего пути, куда бы ни свернула. Значит, выход есть, надо только его найти.

Думать о том, что все сквозняки созданы такими же колодцами, как тот, в котором нашелся подкидыш, я себе запрещала.

Мы выберемся. Точка.

Кажется, там, наверху, уже наступила ночь – мы с моим наездником шатались по катакомбам под городом достаточно долго, к тому же в самом подземелье стало гораздо темнее. Хорошо, что глаза привыкли, а еще какая-то плесень на потолке едва заметно флюоресцировала. Можно было двигаться, не рискуя переломать ноги.

Я устала как собака. И, почувствовав на лице дуновение свежего ветра – даже более свежего, а еще сухого и с примесью запахов человеческого жилья, – даже не смогла толком обрадоваться.

Сил на радость не осталось, похоже. Но и ладно, порадуюсь потом, а пока я прибавила ходу и скоро выкарабкалась на волю по полуобвалившейся каменной лестнице. Похоже, вынесло нас на какие-то задворки. И недалеко от помойки – вот теперь, на поверхности, к аромату свежего ветра отчетливо примешались не такие приятные запахи. Но это, наверное, и к лучшему.

Вряд ли те, кто потерял меня в песочнице, додумаются искать на помойке в другом конце города. А мы с малышом точно протопали несколько километров под землей, и я, конечно, не гений топографии, но направление чувствовала неплохо. Мы почти все время двигались на запад, если судить по солнцу, мелькавшему в редких колодцах.

Помойка была классическая, разве что без пластиковых бутылок. Зато с полным комплектом ароматов и крысами. Вот одна такая шмыгнула прямо у меня под ногами, отчего я едва не шлепнулась на кучу грязи и хлама. Тихо выругалась под нос и тут почувствовала, как на спине заерзал подкидыш.

– Жером, почему так плохо пахнет? Сию минуту вели убрать!

Глава 12

Этьен

Еще со времен королевских советов моей юности я запомнил, что самые важные вещи обсуждаются после закрытия. Совет Добродетели не был исключением. Мы вышли на балкон выпить бокал освежающего. Блюститель Добродетели отвел в сторонку блюстителя Мира – судя по жестам, тот оправдывался и даже усиленно извинялся. А ко мне подошел блюститель Справедливости.

– Брат Этьен, извините за мой, возможно, несвоевременный вопрос на заседании, – начал он. Замолчал, вероятно ожидая встречного извинения, но, не дождавшись, продолжил: – Честно говоря, меня самого давно раздражают частные песочницы. Если бы одну показательно закрыть, остальные, возможно, закроются сами.

– Так и закройте, брат Ремоз. У вас в подчинении две тысячи стражников.

– Это да, – не сразу ответил блюститель Справедливости, не потому, что раздумывал, а потому, что дожевывал грушу. Для себя я отметил, что во фруктовой вазе она была самой крупной. – Вот только мои подчиненные, извините, это не секрет, могут быть в сговоре с содержателями нелегальных песочниц. И как только мы придем с проверкой, выяснится, что она давно заброшена.

– Навестите ближайшую, да хоть сейчас, – предложил я, – и закройте лично.

– Хорошая идея, брат Этьен, – ответил коллега, сплевывая в кулак вишневые косточки так деликатно, как, по его представлению, должны делать господа. – Кстати, мы можем сделать это вместе. Я своей властью арестую охрану и приговорю к году колеса, а вы подберете самую неприятную фабричную вертелку, где с потолка капает вода, а под ногами шмыгают крысы. Слух о нашей совместной акции пройдет быстро, и остальные закроются. Ну?

Взгляд у собеседника мгновенно стал живым, мальчишеским – слабó? Такие вещи я просчитываю сразу и решаю сам, можно ли взять меня на «слабо» на этот раз или нет?

Сейчас – разрешил.

В начале поездки я попытался вернуться к вопросу, на который так и не получил ответа: о цветах из Тумана. Туман подобен шаровой молнии, только еще загадочнее: все про нее знают, кто-то видел, но никто не может предсказать, где и когда она возникнет снова. Впрочем, есть разница – волшебным цветочным Туманом можно воспользоваться и временно проникнуть в другой мир, причем туда, где много цветов. Их можно перенести в наш, и они, вполне свежие, будут давать дыхание больше недели и немножко дышать, даже когда засохнут. Еще я слышал, будто, кроме цветов, можно доставить людей, но не проверял.

Увы, блюститель Справедливости уходил от ответа и пару раз намекнул, что Ночные Клинки знают лучше и спрашивать надо у них.

Когда мы были на полпути к цели, я слегка пожалел о поспешном согласии. Карету блюстителя Справедливости обогнал всадник и сунул в окошко пенал, обвитый красной лентой, – срочное донесение. Карета остановилась, мой коллега вышел, вытирая пальцы платком, наверное, он и внутри что-то жевал.

– Брат Этьен, в квартале Озерных Лилий беспорядки – толпа возле префектуры требует дополнительные букеты по справедливой цене.

– Могу выдать из резерва повозку увядших гладиолусов, – ответил я.

– Спасибо, напишите распоряжение на всякий случай. Но мне все равно надо там побывать. А вы можете своей властью закрыть песочницу. Впрочем, если вы не уверены, что справитесь, отложим.

Это уже была наглость, но я решил не отступать. Только обязал коллегу оставить мне лейтенанта стражи для протокольно-процессуальных занудностей.

– И кстати, заодно узнайте, не известно ли местным мошенникам насчет пришелицы, – крикнул блюститель Справедливости, когда его карета сворачивала на соседнюю улицу.

И умчался в туче пыли. А я продолжил путь, не забыв отметить, с каким изяществом он вынудил меня сделать его работу. И задумался: о какой пришелице идет речь?

Вообще-то, этого полицейского министра, бывшего мелкого нотариуса-крючкотвора, я прекрасно понимаю. Порядок в Городе, о котором он с такой гордостью докладывает, наполовину обеспечивают Ночные Клинки. С ними он в отношениях доверительных, деловых, любезных и старается не ссориться. По моим сведениям, посланники Ночного Братства заходят в кабинеты префектов без стука, и главный стражник Города к этому привык.

А я этого не терплю. Когда-то к Ночным Клинкам я относился равнодушно, но после того, что случилось в прошлом году, – нет. Им ни разу не удалось со мной договориться. Потому-то, кстати, на запятках моей кареты и рядом с кучером – не стражники на грошовом жаловании. Это мои люди, тоже когда-то поссорившиеся с Ночным Братством, глазастые и быстрые. Отряд скромнен по размерам, так что я убедил Совет, чтобы эта скромная прихоть стала моей привилегией.

Песочница была на замке и под охраной сонного детины. Он не сразу сообразил, кто пожаловал, и сначала пытался играть в легендарного рыцаря Ганалда, когда-то в одиночку защитившего узкий мостик от отряда врагов. Когда сообразил – стал играть в дурачка. Но уже минут через пять поумнел, ответил, кто он по регистрации – оказалось, землекоп, сегодня у него выходной за праздничную работу. Потом нашел ключ, открыл дверь, повторяя: «Там сейчас только одна Ухова шлюшка, да и то не всерьез».

Все это время он удивленно глядел по сторонам, как неоперившийся соколенок, в гнездо к которому вместо долгожданной матери заявила ворона и стала спрашивать, почему он не каркает. Но когда дверь открылась, удивился еще больше, и было понятно почему: на песке не оказалось даже одной шлюшки, которая, по словам сторожа, там была.

– Хороший охранник, – заметил я и обратился к лейтенанту стражи: – К себе такого не возьмете?

Юноша проглотил обиду и, едва ли не встав на четвереньки, принялся обследовать площадку. А я направился на выход. Песок сам по себе не опасен, если ты с утра хорошо надышан, пару часов ничего не ощутишь. Но здесь умирали в мучениях...

Я прошел к карете и увидел того, кого ожидал встретить меньше всего. Лирэн Ран, согласно регистрации – закупщик трактирных вин, что позволяет ему в любое время находиться практически в любом месте. А также главарь Ночных Клинков, юный, наглый, самоуверенный бандит, запугавший остальных головорезов и выбранный ими в «маршалы».

Обжорливый блюститель Справедливости его тоже боится. Я – нет.

Может, кстати, это продолжение шутки – специально заманить меня сюда на эту встречу? Нет, тогда рядом с главарем была бы не пара головорезов, а два десятка. Наши силы равны.

Все равно, пусть моя рука и не легла на эфес шпаги, но чуть придвинулась к нему. Выхватить длинный клинок быстрее, чем разбойники выхватывают короткий, меня учили еще на детской шпаге, и я повторял упражнения каждое утро, даже в тюрьме, с длинной спицей.

Лирэн чуть-чуть посторонился, чтобы края наших плащей не соприкоснулись. Сказал, не поздоровавшись:

– Блюститель Созидания решил оставить пришелицу на песочке?

Я промолчал. И не усмехнулся. Лишь позволил себе почти незаметную презрительную улыбку, не сомневаясь – он заметит. Хотя страстно мечтал задать несколько вопросов насчет этой пришелицы. Ее притащили вместе с цветами?

Вместо этого я повернулся к лейтенанту стражи.

– Дверь закрыть и опечатать, бездельника, торчавшего рядом, – в казарму префектуры.

– По какому праву? – удивленно заметил прыщавый юнец с соломенными волосами, видимо адъютант главаря, еще не достигший такой же невозмутимой наглости.

– Именем Совета. – Я показал на флажок.

– Так вы приговорили ее к смерти? – спросил Лирэн без улыбки, и я наконец до конца понял смысл его слов. Боги и демоны пустого мира, эти идиоты что, и правда привели гостью из Тумана, а потом отправили ее в песочницу?

– Там пусто, – сказал я, глядя на адъютанта и показав на дверь. Либо пришелица невероятным образом сбежала... либо, что гораздо вероятнее, кто-то успел увести ее отсюда раньше, чем мы приехали. А жаль. Впрочем, опоздал не только я. Значит, шанс еще есть. – Лейтенант, исполняйте.

Можно было бы усложнить жизнь противнику и спросить регистрацию прыщавого юнца. Но я не сомневаюсь – он какой-нибудь курьер, с бумажкой все в порядке.

Охранник песочницы стоял рядом с лейтенантом, готовясь идти куда прикажут. Но с появлением Лирэна повеселел – тот ему мигнул. Понятно, что из казармы его выпустят через час. Это уже не мое дело. Главное – на дверях печать Совета, и вот ее никто не решится ломать, ни за какие деньги и договоренности. Скорее, сломают стену.

Уже из кареты я бросил взгляд на маршала Ночных Призраков. А он посмотрел на меня.

Два взгляда. Два не прозвучавших слова.

«Убийца», – сказал я.

«Детоубийца», – сказал он.

Глава 13

Я от удивления остановилась. Этого оказалось достаточно, чтобы малой отвлекся от запаха и, не ожидая, пока неведомый Жером уберет источник, заснул опять. И хорошо. Сон – лучшее лекарство, особенно когда под рукой нет других. Аптек в этом милом городе я не видела. Бистро, впрочем, тоже.

Вот только про еду не надо думать! От шоколадки осталась четвертинка.

О чем тогда думать? О посапывающем грузе за спиной? Однако как он властно потребовал клининговые услуги от этого Жерома!

Между тем импровизированная помойка осталась за спиной – не очень аккуратные аборигены швыряли в подземный вход что было ненужным. Я вышла на улицу, достаточно широкую и совершенно пустую, так как была кромешная ночь. К счастью, местное ночное светило, наверное луна, заменяло фонари.

Я остановилась немного передохнуть и заодно подумать. Надо было решать, куда двигаться дальше. Слева от помойки, в которой прятался подземный ход, тускло светились фонари городского квартала, даже в темноте выглядевшего не слишком опрятно. Обшарпанные полуразрушившиеся домишки, редкий тоскливый лай собак, какая-то подозрительная возня в особо темных местах.

Справа было просто темно. Совсем. И оттуда тянуло запахами пепла, свежей зелени и влажной земли. И звуки оказались более успокаивающими: треск цикад, шуршание травы, сонные вскрики каких-то птиц.

Честно говоря, и думать было не о чем. Так уж устроен мир, причем любой: страшнее человека зверя нет. Я совсем не уверена, что в трущобах меня и ребенка встретят с распростертыми объятиями. Точнее, может, и обрадуются – возможности ограбить, изнасиловать или вовсе убить.

А в темноте среди едва различимых деревьев вряд ли обитает что-то страшнее белочек и скворцов. Все же это почти город, а не заповедная чаща в семи днях пути от ближайшего человеческого жилья. Значит, переночевать будет безопаснее там.

Правда, вряд ли получится отыскать что-то съедобное. За пропитанием так или иначе надо вернуться к людям. Но это лучше сделать днем, в надежде, что при свете дневного светила обитатели трущоб не кинутся вот так сразу убивать и грабить.

Решив эту несложную, но такую нервную задачу, я поудобнее устроила у себя на спине ребенка и не торопясь, осторожно двинулась в темноту, прочь от трущоб, по достаточно различной тропинке.

Перелезла через остатки каменной ограды, похоже разобранной аборигенами на материалы. Под ногами хрустнул сучок, потом другой. Я присмотрелась к окружающим кустам. Вроде бы обычные, но смутно что-то не так. Не страшно, просто словно больные растения. Конечно, в лунном свете толком не разглядишь, в чем дело. Но ощущение неправильности присутствует.

Впрочем, скоро «больные» кусты и деревья закончились, словно я прошла через широкую живую изгородь и оказалась... на пустыре.

Ощущение было очень необычное – все в том же лунном свете можно было разглядеть, что это не просто окраина города, а именно пустырь, окруженный со всех сторон жилыми кварталами. Там, откуда я пришла, трущобы, вдалеке впереди, за опоясывающей это мертвое пространство лесополосой, вроде бы попримечнее районы: огней больше, здания выше. А тут – словно косой выкосило все городские постройки. Или их никогда не было? Парк?

Ладно, утром разберемся. Нет никакого смысла топтать дальше вглубь пустого пространства. Лучше устроиться у не слишком правильных кустиков. Здесь хоть травка растет, а вот дальше – голая земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.